

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАРКОЛОГИИ

doi: 10.47877/0234-0623_2020_12_67

ОТ ПЬЯНСТВА К ТРЕЗВОСТИ: КАК ПЕРВОЕ ПОСТСОВЕТСКОЕ ПОКОЛЕНИЕ БОРЕТСЯ С АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ¹

Белова Ю.Ю.

ybelova@hse.ru

Высшая школа экономики
г. Москва, Россия

Статья поступила 26.10.2020

Исследование направлено на определение практик и общей стратегии отказа от потребления алкоголя зависимыми людьми, взрослевшими в период перестройки и либеральных реформ 90-х годов. Социологическое исследование опирается на качественный анализ 40 автобиографических повествований представителей реформенного поколения, опубликованных в открытой печати, отобранных в соответствии с правилами критериальной выборки. На этапе выбора в пользу трезвости поколенческая специфика проявляется в мере самостоятельности принятого решения, где, несмотря на компромисс между стремлением полагаться на других и проявлять инициативу, реализуются практики подчинения. В процессе отказа от алкоголя происходит сопротивление обстоятельствам и, несмотря на преодоление препятствий, практики характеризуются твердостью намерений. Когда же возникают ситуации срыва, анализируется приобретенный опыт и предусмотрительно корректируется дальнейший путь, что составляет практики взвешенности. Последовательность реализации практик на разных этапах отказа от алкоголя в соответствии с выделенными критериями образует стратегию осмотрительности, характеризующую представителей реформенного поколения компромиссными, настойчивыми, предусмотрительными действиями.

Ключевые слова: алкоголизм, пьянство, трезвость, реформенное поколение, автобиография.

ВВЕДЕНИЕ

Учет групповых различий в изучении алкогольной зависимости базируется на социологических исследованиях, которые традиционно принимают во внимание возраст, гендер, этничность, профессию [17]. Однако поскольку с развитием обще-

Об авторе:

Белова Юлия Юрьевна – канд. социол. наук, вед. науч. сотр. научно-учебной лаборатории прикладных политических исследований, научный сотрудник лаборатории экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

¹ Исследование представляет собой часть проекта, направленного на изучение практик и стратегий борьбы с алкогольной зависимостью людьми пяти поколений.

ства постепенно ослабевают преемственность поколений [9, с. 22], все более актуальным становится обращение к поколенческим группам, особенности которых диктуются социально-культурными и историческими изменениями. Как отмечает С. Бэкон, с точки зрения социологического понимания алкоголизма, принятие во внимание периода развития культуры может стать решающим для достижения терапевтических результатов в преодолении зависимости [15]. В центре внимания данной статьи поборовшие алкогольную зависимость представители реформенного поколения, взросление которых пришлось на период перестройки и либеральных реформ 90-х годов. Сегодня это люди в возрасте от 40 до 53 лет, составляющие преобладающий контингент лиц, зависимых от алкоголя¹.

С социологической точки зрения, процесс борьбы с алкогольной зависимостью можно представить как осуществление стратегического выбора в пользу трезвого образа жизни, который обеспечивает движение от условного пьянства к условной трезвости. Такой выбор «определяет совокупность практических действий на достаточно длительную перспективу и приводит к реконфигурации практик деятельности человека или группы» [7, с. 33]. При этом стратегия как схема действий предполагает сочетание выбора с мотивированными, запланированными, длительными, рефлексивными действиями [7, с. 31]. Это понимание стратегии уместно дополнить определением стратегии П. Бурдые как объективно организованной последовательности «приемов» или «моментов в последовательности упорядоченных и направленных действий» [4, с. 121].

Делая стратегический выбор, человек реализует целый ряд своих способностей: способность стать актором, способность к переключению, способность поступать вопреки, способность к социально-дифференцированным действиям, способность к рефлексии [7, с. 29–34]. В случае отказа от алкоголя способность стать актором выражается в самостоятельности принятого решения. В свою очередь, способность поступать вопреки реализуется в многообразии сопротивления внешним обстоятельствам и внутренним мотивам при отказе от алкоголя. Способность к переключению воплощается в гибкости выбора в пользу трезвости или пьянства, а также в пользу тех или иных режимов борьбы с зависимостью. Способность к социально-дифференцированным действиям проявляется в эгоистических и альтруистических намерениях в процессе отказа от алкоголя. Наконец, способность к рефлексии заключается в самом факте написания автобиографического повествования о борьбе с собственной зависимостью. Реализацию упомянутых В.В. Радаевым способностей, в свою очередь, можно представить в виде практических действий, основанных, согласно П. Бурдые, «не на сознательных и постоянно действующих правилах, а на практических схемах,

1 В Минздраве назвали средний возраст страдающих зависимостью от алкоголя россиян // Известия. – 2020. – 11 сентября [Электронный ресурс]. – <https://iz.ru/1059485/2020-09-11/v-minzdrave-nazvali-srednii-vozrast-stradaiushchikh-zavisimosti-ot-alkogolia-rossiian>. – (дата обращения 31.10.2020).

непрозрачных для самих себя, склонных к изменениям в зависимости от логики ситуации, от навязываемой ею и почти частичной точки зрения», которые также обладают свойствами неуверенности и колебания [4, с. 29–30]. Здесь П. Бурдые указывает на то, что в основе стратегии лежит габитус, формируемый условиями существования индивидов. Стратегия выражает принцип действия габитуса как «рационального поведения без рационального расчета» [12, с. 31]. Более того, из габитуса проистекают поколенческие различия (это имеется в виду, когда упоминаются поколенческие конфликты) [4, с. 122]. Подобным образом акцент на пережитом опыте, лежащем в основе поколенческих различий, сделал К. Мангейм, однако он настаивал на опыте, приобретенном в годы взросления. Согласно К. Мангейму, поколение представляет собой общность, объединенную пережитым в юности сходным социальным и историческим опытом [6, с. 32, 34]. Таким образом, синтезируя теоретические концепты стратегии и габитуса П. Бурдые и концепцию поколений К. Мангейма, можно предположить, что стратегии отражают особенности контекста взросления того или иного поколения, сформировавшего их габитус, и воспроизводят поколенческие особенности как объективные структуры. Обобщая идеи о стратегическом выборе В.В. Радаева, концепты стратегии и габитуса П. Бурдые и концепцию поколений К. Мангейма, мы полагаем, что практики отказа от алкоголя обусловлены восприятием разных социально-культурных событий у представителей разных поколений, на которые приходилось их взросление, а совокупности этих практик образуют стратегии, также различающиеся от поколения к поколению.

Для определения периодов взросления поколений, которые могли отразиться на практиках и стратегиях отказа от алкоголя, наилучшим образом подходит классификация поколений В.В. Радаева, основанная на специфике российской истории [9, с. 46–50]. Согласно избранной классификации, взросление реформенного поколения приходилось на период с 1985 по 1999 гг., охвативший эпоху горбачевской перестройки и становления рыночной экономики 90-х годов, характеризующуюся экономической и политической нестабильностью и трансформационным кризисом.

Цель исследования заключается в анализе и типологизации практик отказа от алкоголя и определении общей стратегии преодоления алкогольной зависимости представителями реформенного поколения.

Предметом исследования является общая стратегия отказа от алкоголя зависимыми людьми – представителями реформенного поколения, вмещающая в себя совокупность реализуемых практик.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Отслеживание процесса преодоления алкогольной зависимости возможно путем обращения к биографическому методу, включающему разнообразные методики анализа. В соответствии с целями и задачами исследования выбран каче-

ственный анализ автобиографических текстов [5, с. 67; 3, с. 1]. Автобиография – это жанр биографического материала [2, с. 61]. В отличие от биографий, написанных наблюдавшим чью-то жизнь человеком, автобиографии содержат описания собственного жизненного пути от первого лица [13, с. 264; 13], хотя и к тем, и к другим в социологии применяется биографический метод.

Материалами для анализа стали 40 автобиографических повествований представителей реформенного поколения, опубликованных в открытой печати (газеты и журналы), в которых описывался опыт борьбы с зависимостью от алкоголя (автобиографий, автобиографических заметок, записанных жизненных историй, фрагментов личных дневниковых записей, автобиографических сочинений). Количество автобиографий является достаточным для исследования, поскольку оно основано на качественной методологии, где анализ предполагает не статистическую, а смысловую обработку данных, а его направленность подразумевает достижение типологической репрезентативности в противовес количественной. Автобиографические повествования для отбора должны были соответствовать следующим критериям:

- быть опубликованными в периодических изданиях общественных и религиозных объединений, заинтересованных в помощи зависимым от алкоголя людям. Преимуществом материалов такого типа является их высокая достоверность за счет тщательной пропускной способности таких организаций. Общественные и религиозные объединения имеют замкнутый характер, их члены часто между собой контактируют, поэтому случайно опубликованные или недостоверные тексты практически исключены;
- содержать описания собственного опыта отказа от интенсивного употребления алкоголя;
- включать указания на признаки пережитой алкогольной зависимости (такие как наличие запоев, абстинентный синдром, желание опохмелиться, трудные жизненные ситуации в результате алкоголизма и т.п.);
- содержать маркеры, позволяющие идентифицировать приблизительный возраст или год рождения автора в целях соотнесения с поколенческими периодами рождения и взросления авторов, выделенными В.В. Радаевым. Определение поколения по текстам автобиографий возможно благодаря тому, что автонарратив может характеризоваться наличием биографической канвы (указанием возраста, например) [10, с. 15].

Кодирование выбранных текстов производилось в специализированной облачной программе для качественного и количественно-качественного анализа “Dedoose”. Специфика автобиографических повествований, в которых описывается процесс борьбы с алкогольной зависимостью, заключается в смысловом разделении текста на две основных части, где первая посвящена опыту потребления алкоголя, а вторая опыту отказа от него. Аналогично при анализе автобиографий из «Большой книги» сообщества «Анонимные алкоголики» S. Strobbe

и Е. Kurtz выделяют стадии развития алкогольной зависимости и борьбы с ней, которые также условно представляют собой две упомянутые части [16].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Как уже было отмечено, реформенное поколение взросло в эпоху перемен. Согласно классификации В.В. Радаева, период взросления его представителей приходится на 17–25 лет [9, с. 46], выпадает на 1985–1999 гг. и специфицируется как «период горбачевской перестройки и последующих либеральных реформ» [9, с. 48]. В свою очередь, обозначенное поколение родившихся в 60–70-е гг. определяется В.В. Семеновичем как «поколение переходного периода» и характеризуется, с одной стороны, как ностальгирующее, с другой – как стремящееся к изменениям [11, с. 127]. Растерянность поколения, выражающаяся в ценностной дезориентированности и сопутствующем кризисе идентичности, по мнению самих авторов, и является причиной приобщения к алкоголю: «В стране началась перестройка, которая влекла за собой неразбериху во власти, вседозволенность, безнаказанность. Я не понимал происходящего и переживал бурю эмоций, от которых порой некуда было деться. Расслабление я находил в алкоголе»¹ (Р-28, М, 1970); «Кто я? Несчастный эгоцентрик, безуспешно заливающий душевную боль. Я понял: претензия к миру: мол, воспитывали советского гражданина, а жить приходится в другой стране, – с одной стороны, печальная правда, но в моем случае – лишь повод напиться»² (Р-35, М, 1975).

Примечательно, что государственные перемены воспринимаются авторами автобиографий как факторы трезвости или пьянства. Так, горбачевская антиалкогольная кампания характеризуется сдерживающим влиянием на их собственное потребление алкоголя: «До этого не пил совсем, а в армии в 1987–1989 – был «сухой закон». Потом пошло по обычному сценарию – отслужил, стал мужиком... Спасибо, что тогда с алкогольным зельем были проблемы»³ (Р-13, М, 1969).

В свою очередь, либеральные реформы и вытекающие из них новые ценности выступают в нарративах авторов как катализаторы пьянства: «К окончанию школы и вступлению в жизнь меня встретили новые либеральные ценности. Я, наверное, как и многие, понял их не совсем правильно. Они свелись к формуле: живу, как хочу, мне все обязаны... Одна из первых пьянок проходила на фоне расстрела танками «Белого дома». Вершилась судьба страны, но для меня и друзей это был просто веселый антураж под глоток дрянного портвейна»⁴ (Р-35, М, 1975).

1 Конец кошмара // Дюжина. – 2012. – №3(43). – С. 32–36.

2 На стыке эпох // Наш шанс на жизнь. Личные истории выздоровления алкоголиков из России. – 2016. – №1. – С. 28–30.

3 Исповедь // Сратник. – 2006. – №126 (июнь). – С. 4.

4 На стыке эпох // Наш шанс на жизнь. Личные истории выздоровления алкоголиков из России. – 2016. – №1. – С. 28–30.

Акценты делаются и на упоминании пива как причины пивного алкоголизма в молодые годы, что совпадает с так называемой «пивной революцией» второй половины 90-х годов: «Лет в 25 начались первые запои. Тогда же появилась тяга просто попить пива – я пивной алкоголик, к водке спокойно отношусь»¹ (Р-13, М, 1969). Следует отметить, что самые молодые представители реформенного поколения, рассуждая об истоках своего влечения к алкоголю, отмечают первые пробы пива, случившиеся еще в детские годы на волне хлынувшего импорта: «Мое детство и юность пришлись на «лихие девяностые» ... Власть в стране сменилась. Открылись границы, и из-за бугра» хлынули неведомые нам до сих пор атрибуты «буржуев», среди которых было и пиво в алюминиевых банках... Однажды мы нашли на помойке целую упаковку некондиционного пива... Именно тогда у меня возник интерес, и я впервые попробовал пиво...»² (Р-30, М, 1981). Очевидно, что интерес к пиву у этих детей впоследствии был подкреплен взрывным ростом его продажи и потребления во второй половине 90-х годов, когда они уже находились на этапе взросления.

Упомянутые примеры восприятия алкоголя лишь вписываются в общую канву преобразований рассматриваемого периода. Согласно избранной методологической позиции, эпоха отразилась на практиках потребления алкоголя и отказа от него в том числе, безотносительно к алкогольной политике. Образовавшийся тогда же ценностно-нормативный вакуум быстро заполнялся деструктивными потребительскими практиками. В попытках борьбы с ними человек наталкивался на конгломерат неопределенностей. Оказалось, что в новых условиях существования уже не работают старые правила игры. Поэтому взрослеющему в этот период поколению выпадает самая трудная доля – адаптироваться к изменившимся условиям так, чтобы научиться в них жить взрослой жизнью. Усвоенные уроки перестройки и «лихих 90-х», пошатнувшие представления о советских ценностях и покончившие с линейностью жизненной колеи, неизбежно отразились на дальнейших повседневных практиках. Новая институциональная среда, в свою очередь, создала другие условия для реализации стратегий борьбы с алкогольной зависимостью.

Отталкиваясь одновременно от концепции габитуса П. Бурдьё, отметим, что, вкпе с поколенческим восприятием алкоголя в условиях государственных перемен, отношение к алкоголю у представителей реформенного поколения складывалось в том числе под влиянием происхождения, социальной позиции и индивидуального жизненного опыта, приобретенного в период, предшествующий решению отказаться от алкоголя. Поэтому внутри поколения стратегии борьбы с алкогольной зависимостью неизбежно различаются. Однако, поскольку данное исследование фокусируется на поколенческих особенностях отказа от алкоголя и выделении обобщенной поколенческой стратегии, мы остановились лишь

1 Исповедь // Соратник. – 2006. – №126 (июнь). – С. 4.

2 Поиск пути // Дюжина. – 2018. – №58. – С. 28–34.

на специфике исторической эпохи, пережитой людьми в период взросления. События перестройки и становления новых либеральных реформ рассматриваются в исследовании как критичные для восприятия алкоголя и борьбы с зависимостью в реформенном поколении и формирования соответствующей поколенческой стратегии.

Как уже было отмечено, стратегия в социологическом смысле, согласно П. Бурдые, отражает не хаотичность, а последовательность практик [4, с. 121], и в то же время в этой последовательности возможны изменения и колебания [4, с. 29–30]. Продемонстрируем, как осуществляется последовательное, но в то же время витиеватое движение от пьянства к трезвости на примере реформенного поколения, для которого пережитый в период взросления опыт аморфных перспектив накладывается на невнятность совершаемого стратегического выбора. Затем с учетом выделенных на этапе кодирования данных покажем специфические особенности поколенческой стратегии борьбы с алкогольной зависимостью.

Согласно автобиографиям, точкой отсчета в стратегическом движении к трезвой жизни как совокупности связанных между собой практик являются мотивы. Выбор в пользу трезвости, за которым следуют действия по ее достижению, не является спонтанным или совершенным исключительно под влиянием внешних, независящих от человека обстоятельств, даже если он кажется им вынужденным.

В ситуации совершенного выбора на начальном этапе отказа от алкоголя у авторов преобладают обобщенные представления о трезвой жизни и только затем, уже в процессе трезвения, вырабатывается видение желаемого результата: «сначала не собиравшись бросать пить навсегда – это просто не укладывалось у меня в голове. На втором месяце вдруг открыл, что можно и в самом деле не пить, и решил попробовать»¹ (Р-1, М, 1969). Кроме того, даже если выбор в пользу трезвости считается сделанным, и предприняты шаги к ее достижению, то он не воспринимается как завершённый. Авторы намекают, что в будущем все может измениться, а поэтому нужно находиться «здесь и сейчас», наслаждаясь жизнью без алкоголя.

Действия на пути к трезвому образу жизни не являются прямолинейными и нацеленными на конкретный результат. Если выбор планируется, то он характеризуется неопределенностью, а вместо конечной точки движения намечается его направление. Действительно, стратегическое действие не предполагает «прямолинейного движения к заранее заданной конечной цели. Задается не конечное состояние, которого необходимо достичь по завершении целенаправленных действий, а траектория первоначального движения. Определяется вектор, направление которого может и должно подвергаться корректировке по мере продвижения вперед» [7, с. 32]. Следовательно, зависимые от алкоголя люди реализуют стратегический вариант выбора.

1 Я потомственный алкоголик // Журнал АА. – 2017. – С. 65–68.

Реализация выбора производится разными способами, обращение к которым происходит на протяжении времени через переживание и преодоление срывов до тех пор, пока не будет найден приемлемый вариант или подходящие условия: «В течение следующих десяти лет я кодировался примерно восемь или девять раз, посещал знахарок, гипнотизеров, психологов, пил различные медикаменты, колол китайские иголки, и я уже не помню что еще... Я даже посещал группу АА... Я постоянно кодировался. Да, чаще всего я не выдерживал сроков, но сразу же бежал к наркологам и пролонгировал кодировку... Через некоторое время я утратил бдительность... Я перестал искать пути выздоровления... Поэтому я сконцентрировался лишь на минимизации ущерба здоровью. Кодировался я уже реже... Несмотря на то, что я разуверился в докторам, я не прекращал попыток самостоятельно нащупать способы употребления, которые помогут мне минимизировать урон и сохранить здоровье... Года три назад я написал себе письмо... Я вспомнил про отложенный визит в АА. Первое же собрание произвело на меня колоссальный эффект!»¹ (Р-40, М, 1974). Из примера видно, что путь отказа от алкоголя имеет протяженность во времени и представляет собой череду испробованных методов лечения и попыток минимизации вреда. Это одновременно указывает на длительность и запланированность практик отказа от алкоголя.

Как было отмечено выше, стратегия, в соответствии с избранным методологическим подходом, представляет собой схему действий, предполагающую сочетание осознанного выбора с мотивированными, запланированными, длительными, рефлексивными действиями [7, с. 31]. Именно это мы и видим при анализе автобиографических повествований людей, отказывающихся от алкоголя.

Следует отметить, что реформенное поколение как первая постсоветская генерация не имело советского опыта взросления [9, с. 49], а потому отличается от своих ближайших предшественников. Например, представители поколения застоя, практикам и стратегиям отказа от алкоголя которых была посвящена предыдущая публикация [1], характеризуются стремлением подчиниться обстоятельствам и воле других людей, довериться уже известным и проверенным методам, с особой тщательностью и методичностью следовать правилам и рекомендациям. Для них наиболее характерны практики подчинения, приспособления, преданности, добросовестности, твердости намерений, а их стратегию борьбы с зависимостью можно обобщенно назвать стратегией повинения. Тогда как представители реформенного поколения уже не готовы полностью полагаться на других и лишь частично пересекаются с предшественниками в практиках отказа от алкоголя. Дело в том, что на каждом этапе борьбы с зависимостью у них проявляются новые, не характерные для поколения застоя признаки.

Как показывает исследование, на этапе принятия решения в пользу трезвости практики представителей разных поколений отличаются мерой самостоятельности принятого решения с учетом роли внешних принуждений. В отличии от

1 История болезни // Дюжина. – 2019. – №59. – С. 17–24.

авторов предшествующих поколений, и поколения застоя в частности, представители реформенного поколения более самостоятельны в выборе трезвого образа жизни. В ситуации подчинения воле других людей они ощущают себя жертвами навязанного решения: «Обработали меня близкие – вколол «эспераль»¹ (P-13, М, 1969), но вместе с тем готовы идти на компромисс. Неприятие внешнего принуждения сменяется принятием собственной проблемы и благодарностью за поддержку при условии внимательного, тактичного отношения: «В отделении хитрил, юлил – хотел догнаться. Но спирта не дали. Сделали укол, накормили. Сказали, что лечение – 45 дней. Сейчас я с ностальгией вспоминаю ту больницу. Со мной еще никогда так не обходились. Я видел доброту, ласку. Врачи, сестры были вежливы, внимательны. Меня воспринимали таким, какой я был...»² (P-6, М, 1978).

Авторы полагаются на других при условии наличия собственного решения отказаться от алкоголя и уже сделанных попыток нащупать почву в этом направлении. Помощь, предложенная на фоне наличия мотивации, играет роль пускового механизма в совершении действий на пути к трезвости: «Мама с родственниками нашли какой-то «продвинутый» метод, и я, понимая, что и мне самому это нужно, согласился»³ (P-28, М, 1970). И наоборот, выбор в пользу трезвости делается, когда уже проявленная инициатива встречает поддержку: «Мой телефон и адрес записали. Вскоре мне позвонили... Я встал, оделся, взял паспорт и права, по дороге крикнул матери, что уезжаю и пошел к автобусу. Есть Москва, есть АА, и есть Виктор, значит я буду жить»⁴ (P-12, М, 1968).

Ненавязчивые предложения принимаются охотнее и становятся важными для дальнейшей реализации решения отказаться от алкоголя: «однажды я попал на собрание христиан, где по мягкому ненавязчивому предложению присутствующих я покаялся в своих грехах и примирился с Богом. Через неделю я бросил пить и курить»⁵ (P-8, М, 1976). В процессе борьбы с зависимостью, как и их предшественникам, реформенному поколению нужна помощь и поддержка со стороны: «Было нелегко, спасал храм и собрания, группы для таких же как я, где меня понимали, где делились опытом, силами и надеждой...»⁶ (P-7, М, 1974).

Собственные инициативы отказаться от алкоголя, как и у представителей других поколений, основаны на желании избавиться от крайнего дискомфорта, когда уже наступила ситуация безысходности и отчаяния: «Мне было тогда невыносимо плохо... Я позвонил жене и сказал, что завтра я ложусь в наркологи-

1 Исповедь // Сопратник. – 2006. – №126 (июнь). – С. 4.

2 Трезвость для иностранца // Дюжина. – 2009. – №1 (31).

3 Конец кошмара // Дюжина. – 2012. – №3(43). – С. 32–36.

4 Привет из Пензы // Дюжина. – 2010. – №1(34). – С. 35–39.

5 Чтобы было где мяч гонять // Один путь. – 2012. – С. 3.

6 Возвращение из рабства. История первая // Вода живая. – 2015. – №3. – С. 10–11.

ческую больницу»¹ (Р-10, М, 1975). Подобные примеры достижения «дна», когда человек находится между жизнью и смертью, как точки отсчета самостоятельного выбора в пользу трезвости, в автобиографиях всех поколений присутствуют крайне устойчиво.

На этапе отказа от алкоголя практики у разных поколений отличаются по критерию сопротивления обстоятельствам, когда, несмотря на возникающие препятствия, происходит движение в направлении отрезвления. Здесь представители реформенного поколения проявляют стремление следовать правилам и исполнять взятые на себя обязательства, как и их предшественники. Несмотря на трудности, они не менее упорны в намерениях, настойчивы и напористы: «Устал сам с собой воевать! Но продолжал воевать – пить не хотел!»² (Р-13, М, 1969). Однако в то же время авторов реформенного поколения отличают более сдержанные и лаконичные суждения об этом, без патетичных повествований, характерных для предшествующих поколений: «Я стала регулярно посещать собрания, моя мама через неделю пришла на эти собрания, и по сей день мы их посещаем»³ (Р-4, Ж, 1978). Возможно, это указывает на более осторожную оценку и интерпретацию достигнутых результатов.

Реформенное поколение так же, как и предшествующие поколения, показывает предрасположенность к чтению антиалкогольной литературы, которая рассматривается как способ достижения трезвости через узнавание себя в прочитанном и осознание общности с такими же людьми: «В один из очень редких дней моей трезвости ко мне в руки попала книга под названием «Жить трезвым». С первых же страниц она произвела на меня впечатление. Там все было про меня! Тот, кто написал эту книгу, как будто написал ее с меня!»⁴ (Р-18, М, 1972); «Через пару дней я проходил по книжному магазину мимо лотка с церковной утварью... в этот раз я зацепился за название одной книжки «Выход есть». Пробежался по страницам и стоял как вкопанный. На следующий день я уже прочитал всю книжку. Какое было облегчение узнать, что я не один такой, что я не изгой, и что существует выход»⁵ (Р-11, М, 1975). Книги помогают и в минуты отчаяния: «Мне было так плохо, что я начала читать книгу, которую написала женщина, «испытывавшая пытку алкоголизмом»⁶ (Р-23, Ж, 1979).

В то же время у представителей реформенного поколения появляется все больше оснований для обращения к интернету как источнику информации о преодолении алкогольной зависимости. Как отмечает В.В. Радаев, именно в реформенном поколении как поколении «цифровых иммигрантов» произошел

- 1 Вчера и сегодня // Независимость личности. – 2019. – №6 (120). – С. 4–5.
- 2 Исповедь // Соратник. – 2006. – №126. – С. 4.
- 3 Счастлива без алкоголя // Независимость личности. – 2015. – №12. – С. 17–18.
- 4 Быть трезвым и радоваться этому // Дюжина. – 2013. – №3 (47). – С. 32–36.
- 5 Выздоровливающий по Скайпу // Дюжина. – 2018. – №58. – С. 20–22.
- 6 Я плакала на первой группе // Дюжина. – 2011. – №4 (35). – С. 40–41.

количественный скачок в использовании гаджетов и интернета во взрослом возрасте [7, с. 21; 8, с. 79]. Действительно, в их автобиографиях встречаются примеры обращения к электронным источникам. Однако, во-первых, найденная информация воспринимается как недостаточная, и ее уточнение или проверка сопровождается последующими действиями в «реальном мире»: «...хотелось больше узнать. Что я и сделал с помощью интернета. Этого оказалось недостаточно. Возникло много вопросов. Тогда я посетил Никольский собор, поговорил с отцом Владимиром...»¹ (Р-24, М, 1977). Во-вторых, найденный электронный материал воспринимается непривычно и распечатывается для чтения на бумаге: «Полез в интернет с надеждой найти что-нибудь об Анонимных алкоголиках. Скопировал много литературы об АА, различных статей из СМИ, распечатал их и читал «запоем»² (Р-17, М, 1971). Таким образом, для представителей реформенного поколения интернет как источник информации об отказе от алкоголя проигрывает традиционным способам получения знаний. У рассматриваемого поколения сопротивление обстоятельствам алкогольной зависимости производится путем поиска компромисса между «старыми» и «новыми» технологиями усвоения антиалкогольного материала.

На этапе возникших «срывов» новый выбор производится уже с учетом имеющегося за спиной опыта и у разных поколений отличается гибкостью. Это проявляется в переключении режимов пьянства, попеременном выборе жизненных траекторий, а также в переходе на альтернативные методы и способы отказа от алкоголя. Так, в противовес уже испробованным методам, представители реформенного поколения предпочитают менее знакомые способы преодоления зависимости (при условии осознанности и альтернативы). Но чтобы самому решиться на еще неизведанный метод, нужно время: «АА – это самый успешный проект в мире по борьбе с зависимостями. Но что-то меня останавливало»³ (Р-40, М, 1974). Кроме этого, новые методы воспринимаются с остороженностью: «У меня было впечатление, что это секта. Я заставил себя ходить на собрания и слушать. Спустя время, около года, я понял, что я алкоголик... И вот я стал не только слушать, но и сопереживать тому, что говорят другие»⁴ (Р-19, М, 1973); «Я ушел через несколько минут, испугавшись слов «Бог» и «Высшая сила». «Это же секта» – подумал я. Но почитав еще немного Книгу, я снова появился на группе и уже не покидал Сообщество»⁵ (Р-11, М, 1975). Таким образом, чтобы довериться новому методу, представителям реформенного поколения нужно лучше изучить суть того, что предлагается и в последнем приведенном примере это достигнуто снова через практику чтения.

1 Перегрузка // Трезвение, – 2015. – №4 (163). – С. 3.

2 Рождение группы // АА – Журнал. – 2007. – №0. – С. 13–14.

3 История болезни // Дюжина. – 2019. – №59. – С. 17–24.

4 Алкоголь стирал у меня всю мораль // Дюжина. – 2011. – №1 (37). – С. 16–18.

5 Выздоровливающий по Скайпу // Дюжина. – 2018. – №58. – С. 20–22.

Далее происходит устойчивое переключение между различными способами выпивки или режимами пьянства. Другими словами, производятся попытки контролировать или снизить потребление алкоголя, и у реформенного поколения такие способы более разнообразны, чем у предшественников: «Я пыталась быть осторожнее, вычисляла сколько рюмок мне надо... Нужно выпить сырое яйцо, съесть кусочек маслица, пара таблеток аспирина, не мешать спиртные напитки, не пить по понижающим градусам, пробовала пить только вино, пить только дома с мужем... результат один – я перебирала лишнего»¹ (Р-4, Ж, 1978). Интересно, что подобные перечисления могут быть еще длиннее, и чем они длиннее, тем необычнее способы самоограничений, которые представители реформенного поколения хорошо обдумали и испробовали за время борьбы с зависимостью – от ритуала «дунуть» перед употреблением² (Р-40, М, 1974) до выпивки «только за чужой счет»³ (Р-25, М, 1979) и записывания самых отвратительных моментов пьянства с последующим их зачитыванием по утрам⁴ (Р-32, Ж, 1974). Предшественники, в противовес попыткам контроля потребления алкоголя и снижения его вреда для организма, изобретали основательные схемы и методики лечения, но менее разнообразные с точки зрения форм борьбы с зависимостью.

Кроме того, процесс переключения фиксируется в воспоминаниях о перемежающихся отрезках времени, связанных то с периодами воздержания, то с периодами «срывов». Интересен случай описания ощущений, предваряющих подобный срыв, который показывает, что между жизненными траекториями он занимает место не просто одномоментной точки перелома, а обладает протяженностью во времени, включая в том числе попытки рационально рассчитать возможность такого переключения: «В кабинете у нарколога мою жену и маму поздравляли с новой счастливой жизнью, говорили, что муж и сын теперь не будет употреблять алкоголь. А я сижу, как будто проглотил какуюто пружинку, и эта пружинка внутри меня уже как будто начала потихоньку разжиматься, и глаза мои уже не смотрят на нарколога, жену, маму... а рыскают по стенам и считывают информацию о том, по каким дням работает это заведение и сколько стоит раскодироваться... и в голове все отчетливей рождаются схемы, как это осуществить, чтоб никто не узнал. Пружинка разжалась на 73й день...». Далее, уже обратившись к отрезку трезвой жизни, уложенному в указанные 73 дня, автор отмечает, что даже сделав выбор и приняв решение об отказе от алкоголя, его не покидали смутные представления о достаточности выбора и источниках вдохновения: «но все равно чего-то не хватало. Просто хотелось, чтоб было еще лучше, но я не знал как, не имел понятия, где получить то, что мне необходимо, то, что не будет заставлять разжиматься во мне эту пружинку, всякий раз приводящую к первой рюмке. Я получу это лишь спустя семнадцать лет»⁵ (Р-3, М, 1975).

- 1 Счастлива без алкоголя // Независимость личности. – 2015. – №12. – С. 17–18.
- 2 История болезни // Дюжина. – 2019. – №59. – С. 17–24.
- 3 Я написал письмо Богу // Дюжина. – 2012. – №3 (43). – С. 39–48.
- 4 Оттолкнуться от своего дна // Дюжина. – 2014. – №2. – С. 45–50
- 5 Сдаться, чтобы победить // Независимость личности. – 2017. – №1-2. – С. 3–5.

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общим для автобиографий об отказе от алкоголя представителей всех поколений является описание выбора в пользу трезвости как стратегического, когда задается вектор движения, но не имеется четкого видения конечного результата. Наряду с этим, сделанный выбор, в отличие от неосуществимой призрачной мечты, имеет реальный результат в виде воздержания от алкоголя, хотя и не всегда устойчивый. В процессе движения к отказу от алкоголя реализуются последовательные, протяженные во времени, мотивированные действия, которые тем или иным образом планируются. Именно достижение этого результата, неосознаваемого на первых порах, и является предметом рефлексии авторов автобиографий.

В описаниях преодоления зависимости присутствуют три смысловых линии, соответствующие упомянутым ранее элементам стратегии или способностям, характеризующим стратегический выбор: о принятии решения в пользу трезвости, о том, как протекал процесс отказа от алкоголя и о том, что происходило, когда отказ от алкоголя сопровождался срывами и новыми попытками вернуться в трезвость.

В случае описания процесса выбора акцент делается на самостоятельности принятого решения, где речь идет о мере свободы человека в выборе и о роли внешних принуждений (критерий – самостоятельность). Описание самого процесса отказа от алкоголя фокусируется на способах преодоления зависимости и сопутствующих препятствиях в период воздержания от алкоголя (критерий – сопротивление обстоятельствам). Когда же упоминаются срывы или состояния, требующие усилий над собой для отказа от алкоголя, описываются специфические практики переключения между режимами пьянства и трезвости (критерий – гибкость выбора).

Согласно выделенным критериям были типологизированы практики отказа от алкоголя и определена общая стратегия преодоления алкогольной зависимости представителями реформенного поколения.

На этапе выбора между пьянством и трезвостью практики отличаются мерой самостоятельности принятого решения. Авторы готовы подчиниться обстоятельствам и стремятся полагаться на других, но при условии ненавязчивости и наличия собственной мотивации или уже проявленной инициативы. В целом на этапе выбора в пользу трезвости преобладают практики подчинения.

В процессе отказа от алкоголя авторы настойчиво сопротивляются обстоятельствам, но сдержанны в оценках своего упорства и ищут компромиссы между «старыми» и «новыми» технологиями усвоения антиалкогольного материала. На этом этапе реализуются практики твердости намерений.

Когда же возникают ситуации срыва, анализируется приобретенный опыт, а дальнейший путь гибко корректируется с учетом имеющихся представлений о том или ином способе отказа от алкоголя, что характеризуют практики взвешенности.

Итак, последовательность реализации совокупности практик «подчинение – твердость намерений – взвешенность» на разных этапах отказа от алкоголя в соответствии с выделенными критериями образует стратегию осмотрительности. Стратегия борьбы с зависимостью в реформенном поколении характеризуется компромиссными, настойчивыми, предусмотрительными действиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова Ю.Ю. Стратегии отказа от потребления алкоголя в жизненных траекториях зависимых людей – представителей поколения эпохи «застоя», взрослых в 1964–1984 гг. // Вопросы наркологии. – 2019. – №6 (177). – С. 85–101. – doi: 10.47877/0234-0623_2019_6_86.
2. Божков О.Б., Дивисенко К. Электронная база данных биографического фонда: краткий анализ материалов // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2007. – №3. – С. 60–62.
3. Божков О.Б., Игнатова С.Н. Междисциплинарность в исследовании (авто)биографических данных // Социологический журнал. – 2017. – Т. 23. – №4. – С. 89–103. – doi: 10.19181/socjour.2017.23.4.5530.
4. Бурдые П. Практический смысл. – СПб: Алетейя, 2001. – 562 с.
5. Козлова Л.А. Биографическое исследование российской социологии: предварительные теоретико-методологические замечания // Социологический журнал. – 2007. – №2. – С. 59–87.
6. Мангейм К. Очерки социологии знания: проблема поколений – состоятельность – экономические амбиции. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – 162 с.
7. Радаев В.В. Еще раз о предмете экономической социологии // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – №3. – С. 21–34.
8. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. – 2018. – №3. – С. 15–33 – doi: 10.7868/S0132162518030029.
9. Радаев В.В. Миллениалы. Как меняется российское общество. – М.: Высшая школа экономики, 2019. – 224 с.
10. Сапогова Е.Е. Семантика личной жизни: экзистенциально-нарративный анализ автобиографических историй. – Тула: ТулГУ, 2014. – 184 с.
11. Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. – 271 с.
12. Социоанализ Пьера Бурдые. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001.
13. Троцук И.В. «Лингвистическая катастрофа» социолога, интересующегося текстовым анализом // Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16. – №1. – С. 247–269. – doi: 10.17323/1728-192X-2017-1-247-269.
14. Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. – 1997. – №3. – С. 38–61.
15. Bacon S.D. Social settings conducive to alcoholism: a sociological approach to a medical problem // Journal of the American Medical Association. – 1957. – Vol. 164. – N2. – P. 177–181.
16. Strobbe S., Kurtz E. Narratives for recovery: personal stories in the 'Big Book' of Alcoholics Anonymous // Journal of Groups in Addiction & Recovery. – 2012. – Vol. 7. – N1. – P. 29–52. – doi: 10.1080/1556035X.2012.632320.
17. White H.R. Recent development in alcoholism: sociology // Recent Dev Alcohol. – 1993. – N11. – P. 7–27.

FROM DRUNKENNESS TO SOBRIETY: HOW THE FIRST POST-SOVIET GENERATION FIGHTS ALCOHOL ADDICTION

Belova Yu.Yu.

National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia

The study is aimed at identifying the practices and general strategies for quitting alcohol consumption by addicted people who were growing up during the perestroika and liberal reforms of the 90s. The sociological research is based on a qualitative analysis of 40 autobiographies of reform generation representatives, published in the open press and selected in accordance with criterion sampling. At the stage of choosing in favor of sobriety, generational specificity manifests itself in the measure of independence of the decision made, where, despite the compromise between the desire to rely on others and show initiative, submission practices are implemented. In the process of giving up alcohol, there is resistance to circumstances and, despite overcoming obstacles, the practices are characterized by firm intentions. In situations of relapse, the gained experience is analyzed and the further path is prudently adjusted, which constitutes the practice of balance. The sequence of practices at different stages of quitting alcohol in accordance with the selected criteria forms a prudence strategy. Thus, the strategy of combating alcohol addiction in the reform generation is characterized by compromise, persistent, prudent actions.

Keywords: *alcoholism, drunkenness, sobriety, reform generation, autobiography.*